

Кукушкины

дети

Галина Горячева

16+

Галина Владимировна Горячева

Кукушкины дети

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56130500

SelfPub; 2020

Аннотация

В новой стране – новая жизнь. Она не предсказуема, авантюрна и порой жестока. Она несет не только новые проблемы, но и новую дружбу и новую любовь.

Галина Горячева

Кукушкины дети

Все события и персонажи этой книги являются вымышленными

Глава 1

Света сидела над могилой мужа. Свежий холмик с южной стороны уже начал зеленеть молодой травой. Приближался сороковой день. Боль все еще не утихала. Сердце жгла обида. Жили они не всегда хорошо, и случись эта смерть раньше, может, не было бы так больно. Последний месяц перед гибелью мужа был пронзительно счастливым. Иногда Свете казалось, что муж предчувствовал свой конец и поэтому, сам не отдавая себе в этом отчета, старался быть лучше. Иногда же она думала, что он всегда был таким хорошим, просто в начале их совместной жизни у них не сразу получилось понять друг друга и с самого начала наслаждаться счастьем быть вместе. Как бы там ни было на самом деле, но в молодой женщине воскресли надежды на возвращение их любви. И вот, все оборвалось. Просто так, без причины. Какой-то непутевый киллер перепутал жертву и убил вместо жениха подруги ее мужа.

– Господи, почему так глупо и так жестоко? – вопрошала она уже в который раз, не ожидая ни у кого ответа. Встреча

с Олегом четыре года назад перевернула ее жизнь. Первая любовь, первые чувства, рождение дочери, переезд в Москву – все было связано с ним. Теперь после мужа ей осталась дочь, квартира и фамилия. Данилова. – Теперь я – Данилова. Ты слышишь меня? – обращалась она к мужу. – Я все равно твоя. Я – Данилова.

Она решила, что до сорокового дня не уедет. На работе на ее место уже взяли другого человека. Здесь в Кукушкине были ее родители и дочь. С ними ей все же было легче. Светлана знала, что это ненадолго. Возвращаться в столицу все равно придется. Надо было думать о своем будущем и о будущем дочери.

А задуматься было о чем. В жизни страны наступил переломный момент, которого никто не только не ожидал, но даже и не предполагал. Перемен хотели и их ждали. Многое действительно надо было менять. С этим согласны были все. Сначала с одобрением приняли реформы Горбачева. Затем, видя, что тот перегибает палку, обратили свой взор и надежды на Ельцина. И вот, однажды узнали, что без согласия народа, без ведома президента и вообще без каких либо согласований внутри страны, Ельцин ликвидировал Советский Союз. Ошарашенные этой новостью, сбитые с толку люди не знали, как к этому относиться и чего ждать. Народ был и печален и радостен одновременно. Кто-то радовался новому. Кто-то жалел и не желал расставаться со старым. Большинство граждан находились в полном непонимании происхо-

дяде. Десятилетиями насаждаемая вражда к капитализму уже имела очень хорошие результаты. Люди не понимали, зачем в стране вводить капиталистические отношения, если они так плохи, как говорилось раньше. Реформы пугали и не верили в них. Народу, не однократно битому не только за наличие частной собственности, но даже за избытки личного имущества, теперь предлагалось выкупать объекты недвижимости и даже целые работающие предприятия. Людям, привыкшим не иметь ничего своего кроме брюк и зубной щетки, рекомендовалось заниматься предпринимательством. Многие к подобным призывам относились как к провокации.

– Вот ведь, что придумали – рассказывал дед Сергеич, сидя у сельпо на лавке. – Сейчас объявили, что можно покупать все, что хочешь. Даже, к примеру, наш колхоз.

Женщины, ожидающие открытия магазина, дружно засмеялись.

– Кто ж его купит? – вопрошала одна из них.

– Дык, у кого деньги есть тот и купит.

– Так ведь ни у кого столько нет. А если у кого и есть, так разве ж можно их показывать? Схватят за руку и вором объявят. У честных людей откуда могут быть такие деньги – развивала свою мысль молодуха.

Сергеич продолжал разговор:

– Так расчет у них верный. Ты не думай, что там, в Москве дураки сидят. Они себе определили так: лежат у человека

ворованные деньги, девать их некуда, а мы раз, и разрешим все покупать. Воры соблазняться и рано или поздно клюнут. А тут мы, ну, то есть они, правители – поправился старик. – Еще и капиталистов разрешим. Все, у кого денег нет, но кто желает в капиталисты записаться, побегут к тем вора, что купили, к примеру, какое-то предприятие, помогать. Вот тут их и хватать. Всех одним сачком. И воров и всех сочувствующих. Вот для чего вся шумиха затеяна. Чтобы вражеский элемент, какой имеется, на чистую воду вывести – Сергеич торжественно обвел всех глазами.

– Да, здорово придумано – выразила общее чувство молодуха. Другие молчали.

– А может так и надо? Ну, капитализм вернуть – робко предположила худенькая, скромно одетая женщина. – Ведь живем последнее время все хуже и хуже. Как Брежнев умер, что поворот, то все к плохому.

– Да это же вредители разгулялись – перебила ее самая пожилая. – В магазинах и раньше не густо было, а теперь и вовсе ничего нет. Вот сидим, ждем открытия магазина, а будет ли что там покупать? А?

– Какие вредители? Окстись Петровна. Где ты вредителей нашла? – зло зашипела соседка говорящей.

– Да я нигде их не нашла. Но ведь раньше же они были. Всегда про них говорили. Может опять появились – защищалась Петровна.

– Когда раньше? Со времен Сталина уж о вредителях за-

были. Уж это все прошло. Надо думать, что дальше будет.

– Господи, что же будет? – на разные голоса запричитали женщины.

– Я тут в район ездила. Талоны отоварить хотела. Так продащица мне сахару не дала. Покупайте, говорит, у себя по месту жительства, а нам и самим не хватает. И сигарет тоже не дала.

– Да разве ж хватит? По талонам выделяется по шесть пачек на человека в месяц. Да у меня мужик в день пачку выкуривает. А ему на месяц только шесть пачек можно купить. Ну, мои еще шесть плюсом. А остальные дни, что делать курящему человеку? А если в семье мужиков много? Так ведь еще хуже получается. Курящему, ему хлеба не надо, а сигарету подай.

– Да черт с ними с сигаретами. Без них прожить можно. Я вот масло подсолнечное отоварить не могу. В сельпо нет, в районе нет. А на рынке – одна бутылка, как в сельпо пять бутылок. А без масла что? Плику выноси. Не нужна!

– И у меня не выкуплено.

– А я вот думаю про городских. Они как живут? У нас огород свой. Скотина своя. Птица – встрепенулся, затихший было, Сергеич.

– Мне сноха рассказывала, что на хороших предприятиях теперь еду выдают прямо там. Как дополнение к тому, что в магазинах сами найдут. Она вот на заводе работает. Так там, прямо в заводе, в профкоме привозят и продают. По тем же

ценам, что и в магазинах. Бывает даже и дешевле. Наборы называется. Сегодня в наборе, например, курица, огурцы и селедка. А завтра, к примеру, по килограмму творога, сыра и по банке тушенки. Говорит, раза два в неделю эти наборы бывают – делилась с односельчанами Петровна.

– А ежели это предприятие не сильно хорошее. Или совсем не хорошее? – перечила молодуха.

– Да я почему знаю. Говорю то, что мне сноха рассказывала. А про остальное не знаю. Я тебе что, Дом Советов что ли? – рассердилась Петровна.

– Ой, бабы, вон Нина с товаром едет.

Женщины ринулись к товарному входу, помочь с разгрузкой, а заодно узнать, что привезли и сколько.

Прошел сороковой день. Народу было опять много. Из Москвы опять никто не приехал. Всех пугала дальняя дорога. Света звонила и оповещала его родственников. Звонила она и по своим делам. В кафе, где она работала до отпуска, были большие изменения. Коллективу на паях предложили выкупить кафе и перепрофилировать это помещение в магазин.

Возродить капитализм было главной задачей руководства того времени. Это было нелегко. После павловской реформы и при наличии бешеной инфляции население нищало с каждым днем. У рядовых граждан реальных денег почти не оставалось. Делать капиталистов из нищих было трудно. Решение все же было найдено. Предлагалось участвовать в прива-

тизации коллективами, то есть вкладывать свои небольшие накопления в общий взнос. Цены, как правило, были сильно занижены, и потому общей коллективной суммы хватало на выкуп предприятия.

– Представляешь, мам, как мне не везет. Если бы не смерть Олега, я была бы на своем рабочем месте и смогла бы стать соучредителем кафе, т.е. совладельцем. А теперь все бумаги без меня подпишут, и я остаюсь не у дел – печалилась девушка.

– Ну, радоваться этим соучредителям пока рано. Деньги отдали, а дальше – кот в мешке – Надежда Михайловна опасно посмотрела на дочь.

– Ну, почему кот в мешке? Это помещение будет их. Они решили, что там лучше сделать магазин. Собираются подавать документы на реконструкцию – защищала свою позицию дочь.

– Ага! Еще и на ремонт денег надо, и на бумажки эти, документы то есть, потом на оборудование, а потом на товар. Сказка-неотвязка. Это мы уже проходили.

– Когда это вы успели и где?

– Как это где? А когда отец в кооперативе работал. Помнишь? В 89 году.

– Ну, помню. Работал. И что?

– Да то! – Надежда Михайловна сердилась, все больше вспоминая проблемы прошлых лет. – Тогда вот тоже вроде бы разрешили. Пока они свои деньги вкладывали да хребты

гнули, все молчали. А вот когда дело наладилось и стало барыш давать, вдруг нашлась какая-то причина. Дескать, нарушили какие-то правила. Я до сих пор не пойму, что и каким образом они нарушили. И как-то тихонько так все прикрыли. Только вот начальника судили. Дали условно. Все вроде бы и не страшно обошлось, а денежки то тю-тю! Счета заблокировали. Все, что вкладывали, и все, что заработали, прахом пошло. Вот так. Так что, погоди расстраиваться из-за этих учредителей. Куда кривая выведет, еще не ясно. Другой вопрос важен, где ты работать будешь?

– Хотелось бы что-то по своему образованию найти, но, думаю, это будет непросто. Устроюсь куда-нибудь временно и буду дальше искать. Москва велика. Много людей надо, чтобы ее обслужить. Что-то да найду.

– Доча, ты с Лидой больше советуйся. Она все же коренная москвичка. Она – хорошая девушка и всегда рада тебе помочь.

Последнее время семьи подруг сблизилась так, что и родные по крови люди не всегда имеют друг к другу такое хорошее и искреннее расположение. Виталий, хотя и был невиновен в смерти Олега, все равно испытывал неудобство перед Светланой. Все в семье Лиды были готовы на все, чтобы улучшить хоть самую малость самочувствие юной женщины. Света понимала их заботу и была благодарна за поддержку.

Дочь обняла мать за плечи и, посмотрев ей в лицо, успокаивала:

– Да все будет хорошо. Ты обо мне не беспокойся. Береги Галинку и себя. Я там буду не одна. С Лидой. Мне-то там ничего не угрожает. А вот здесь. У вас. Знаешь, после смерти Олега мне все время мерещатся всякие злодеи, которые охотятся за нами. Не могу отвязаться от этого ощущения.

– Выбрось это из головы. Ведь теперь уже ясно, что это была ошибка и вы тут не причем.

– Хорошо, мамочка, хорошо. Если мне там будет плохо, я же всегда могу приехать сюда. Правда?

– Конечно.

Мать и дочь, обнявшись, сидели у окна. Утром Света уезжала.

Глава 2

Родители Лиды, почти всю жизнь прожившие в Москве и покинувшие ее после выхода на пенсию, наезжали теперь в свою старую квартиру с редкими визитами, как гости. Последний такой случай был более года назад. Перемены, случившиеся за это время, бросались в глаза, удивляли и настораживали. На улицах столицы повсеместно стала появляться реклама. Рекламировали в основном заморские товары: «сникерсы», «бигмаки», «кока-колу». На тех местах, где раньше находились портреты Ленина или Брежнева, теперь полуголые девицы висели на щитах с широко раскрытыми ртами, собираясь откусить от батончика «Марс». Растяжки над Садовым кольцом, где писалось раньше о том, что

«народ и партия едины», или, к примеру, провозглашались равенство и братство, заняли изображения зубной пасты в окружении чьих-то белоснежных челюстей. Старики ничего не имели против ни батончиков, ни тем более зубной пасты, но так ли они важны, чтобы им выделять такое почетное место. Вот, что их смущало. Им еще только предстояло узнать то, что реклама – двигатель торговли, в которой не может быть места ни равенству, ни братству.

Во многих местах, особенно у станций метро, появились коммерческие палатки с разнообразным товаром, доселе невиданным. В верхних рядах витрин стояли алкогольные напитки в разномастных бутылках. Содержание бутылок имело не только привычные для вина красные и светлые тона, но и ярко зеленые, и ядовито синие и даже густо желтые. Названия тоже были экзотическими. Внизу под полками с вином лежали ровными рядами в очень красочных упаковках плитки шоколада, печенье, жвачки. Сигареты с неизвестными названиями и еще много всякой всячины. Предназначение некоторых товаров даже трудно было объяснить.

В Советском Союзе ассортимент товаров, производимый промышленностью, был не слишком широк, а иногда просто узок до аскетичности. Человек, живущий в провинции, мог родиться, прожить всю жизнь и умереть, так и не узнав, что кроме докторской и любительской колбасы существуют еще и другие виды. Он, конечно, догадывался, что где-то возможно они и есть и даже думал об этом наверняка, но в глаза

видеть ничего другого не приходилось. Рассказы о таких вещах, как синее вино или заморский продукт под названием «йогурт» и вообще принимались за розыгрыш. Единственным городом в стране, где ассортимент был достаточно широк, была Москва. Это знал и стар и млад. Поэтому все стремились попасть в златоглавую с любой подвернувшейся okazji. Москвичи по советским меркам были избалованными покупателями. Но даже и они были весьма заинтересованы товарами первых коммерческих ларьков. Люди стояли у витрин и рассматривали их. Покупали редко и только то, что подешевле, так как цены на товар были шоком номер два. Содержимое витрин полностью было импортным, то есть купленным за валюту. На ценниках стояла цена в у.е. Далеко не все сразу поняли, что это значит. Одни стояли у витрин, делая предположения и шушукаясь. Другие, потоптавшись немного, спрашивали у продавца, что, мол, это за «у.е.» такое. Продавец, уставший объяснять, говорил коротко:

– Условные единицы. В долларах.

– В долларах? – удивленно переспрашивали любопытные. – Вот это да! – выражали они свое удивление. Да и как было не удивляться, если за сделки с валютой была статья в уголовном кодексе. По причине наличия этой статьи немало людей познакомились с тюремной жизнью. А тут, на тебе, «в долларах». Кто побойчей, спрашивали:

– А что, статью отменили?

– Да, отменили – отвечали в ларьке раздраженно.

– Ой, ли – сомневались у ларька. – А на наши можно? И сколько же это будет на наши?

Продавец говорил, что можно и называл цену. Желаящие вкусить заморского яства, удивленно выпучив глаза, расходились в разные стороны. Да и как было не удивиться? Европейские и мировые цены на тот же продукт были во много раз дороже, чем на территории бывшего Союза. Уходящая в небытие, страна уносила с собой и привычку к постоянству цен. Большинство ценников не менялись по двадцать и более лет. Многие люди уже приличного возраста не могли припомнить за всю свою жизнь, чтобы они видели где-то, когда-то другую цену на молоко, или хлеб, или, к примеру, мороженое. Иной человек, живущий где-нибудь в Сибири или на Волге, приезжал на отдых в Сухуми или Крым, а можно и в Ташкент, и на подобные товары встречал такие же цены, что и у себя дома. Захотел купить пломбир, доставай смело девятнадцать копеек. Хоть в Ленинграде, хоть в Калининграде. И вот, все изменилось. Резкий перенос мировых цен на нашу территорию вводил людей в недоумение. Казалось, только явный безумец или безолаберный транжира мог покупать такую дороговизну.

В Советском Союзе цена продукта складывалась вовсе не из себестоимости, а привязывалась к средней зарплате населения. Средняя зарплата была около ста сорока рублей. Многие, например, такие профессии как библиотекарь или уборщица, получали и вообще по семьдесят рублей. Это бы-

ла минималка. Ниже нельзя. Мужчины, работавшие в литейных цехах или в шахтах, получали по триста и более. Возможность заработать была у каждого, кто был согласен на тяжелую физическую работу. Умственная работа тоже оплачивалась хорошо. Приобрести ее было намного трудней. Нужно было получить высшее образование и на ниве полученной специальности доказать свою необходимость на данном рабочем месте. Одним словом, стать нужным работником. Это было не так просто.

Большинство из окончивших ВУЗы становились ничем не примечательными служащими. Получив не пыльную работу, они автоматом получали и среднюю зарплату. Далее, без особых трудовых подвигов, со временем добавляли рублики то за выслугу лет, то за должность, а то просто за хороший, то есть удобный для начальства характер. Называлось это приспособленчеством. Приспособленцев критиковали. С точки зрения общечеловеческой, ничего плохого здесь нет. Напротив, это можно считать хорошим показателем, так как демонстрируется проявление ума. Любой разумный человек ищет для себя хорошего, и если он в любой ситуации находит способ прилично и достойно жить, не затрагивая при этом интересы других людей, то он и есть молодец. Двадцатый век преподнес населению бывшего Союза столько перемен и испытаний, что поневоле станешь приспособленцем. Революции, войны, двукратная смена политического строя, сопровождающаяся каждый раз полным переворотом жизненных

укладов и моральных устоев – такова была жизнь Российской империи в двадцатом веке. Понять и судить все это может только тот, кто пережил подобное.

Во всем мире принято возводить в высший ранг идейные и духовные начала. А как быть, если эти начала все время меняют свой ориентир? Как бы человечество не провозглашало значимость духовных начал, мы – люди остаемся в первую очередь биологическими существами, у которых чувство самосохранения на первом месте. Убедиться в этом очень легко. Стоит только сравнить материнскую любовь и высокие идеи. Нет таких идей, ради которых любящая мать отказалась бы от своих детей или причинила бы им вред. Таким образом, население Советского Союза, не нарушая заветы Ленина и не забывая идеи коммунизма, к концу восьмидесятих годов было прекрасно приспособлено к выживанию в предлагаемых условиях. На ту мизерную, по мировым критериям, зарплату люди умудрялись не только обеспечить свое существование, но зачастую жить, имея все необходимое. Поговорка «голь на выдумки горазда» приобрела в нашей стране общенародное применение. Бюджет наших семей пополнялся различными способами: продукты питания выращивали своими руками на дачных и приусадебных участках, одежду и предметы обихода изготавливали в свободное от работы время, бензин покупали по дешевке у водителей государственных автомобилей, мясо и молоко брали на фермах почти или совсем бесплатно, сигареты выносили с та-

бачки, вино – с ликерки. Среди народа воровством это никто не считал. Ведь все было общенародным. Как говорила в популярном фильме тех времен актриса Нонна Мордюкова: «все вокруг колхозное, все вокруг моё». Основная масса населения научилась жить и обеспечивать себя всем необходимым на сумму, значительно превышающую их официальный заработок.

Не было забыто и о духовной пище. Наши театры были переполнены зрителями. Певцы и актеры работали не за зарплату, а чаще всего из-за любви к искусству. Писатели, не имея сносных гонораров, все равно писали. Слава нашего балета гремела на весь мир. Наши спортсмены за копейки бились за честь страны, зачастую, с гораздо большим успехом, чем их соперники за огромное денежное вознаграждение. Кино, музыка, книги, увлечения были обязательным атрибутом жизни каждого человека. Социализм в том виде, в каком он был в конце восьмидесятых годов, уже не устраивал никого. Находясь на грани краха, не продуманная, устаревшая, застоявшаяся государственная система с трудом находила силы на каждый очередной вздох. Всем было ясно, что нужно обновление. Нужны новые решения, ориентиры, идеи, настроения. Их все ждали и хотели, но сказать, что «низы» не могли жить по-старому, нельзя. «Низы» могли. Еще как могли. А вот с «верхами» было все сложнее.

Первоначальные идеи «большевиков» о равенстве и братстве, о том, что землю надо раздать крестьянам, а заводы –

рабочим, конечно, были хорошими. В том виде, как им тогда мечталось, в жизнь они так и не воплотились. Что-то, где-то на каком-то этапе развития пошло по ложному пути. Дало сбой. Сначала что-то упустили, затем не захотели признать ошибки, а потом побоялись потерять влияние. Вместо реальных доказательств своей правоты начали использовать силовые методы, работая репрессиями и угрозами. Это окончательно подорвало безоговорочный авторитет коммунистических идей. Верхушка партии, не желая признавать своего бессилия, все больше буксовала в проблемах. Лидеры сменяли один другого, а светлое будущее, обещанное народу, все не наступало. Приход Горбачева не только не исправил ситуацию, а окончательно добил и низложил завоевания прошлых лет.

Отсутствие четкого представления о том, куда идет страна, беспомощность партийной верхушки, раболепские заигрывания с лидерами капиталистических стран и безудержная зависть к условиям их жизни, внутрипартийные интриги и полное забвение о нуждах народа – вот, что было представлено на политических подмостках того времени. Все это безусловно приводило к потере доверия к руководству страны.

К концу восьмидесятых правительство уже было не в состоянии выполнять свои обязанности. Сначала стали пропадать продукты. Итак скудный ассортимент опустился до крайних пределов. Затем начались перебои с заработной

платой и пенсией. В такой критической обстановке да еще с наличием многих других проблем начали расти цены. Заграничное слово «инфляция» выучила вся страна от мала до велика. Порой она достигала восьмисот процентов. В средствах массовой информации начались пустые разговоры о том, что у нас, мол, цены были занижены, а во всем мире эти товары стоят гораздо дороже. Мы, мол, держим курс на выравнивание цен до уровня мировых. Пора, мол, жить с остальным миром по единым правилам. Народ возмущался, совершенно справедливо требуя выровнять тогда и зарплаты, а самое главное выплатить их. Ответа не было. Денег тоже не было. Ни у правительства, ни у народа. Зато был долг. Страна была не только нищей, но и в долгах. Начались волнения, забастовки, митинги. А кого ругать? Кого упрекать? В чем упрекать?

Государство народное. А народ – это все мы. От капитализма отказались в семнадцатом году. С социализмом провалились. Другого ничего не знаем, что бы сейчас подошло. Демократы рвали глотки за демократию. Народ им не перечил, но и поддерживал как-то вяло. Демократия без тепла и хлеба не Бог вещь какая радость. СМИ направляли мысли в нужное русло. От капитализма отказались, мол, не мы, а отцы и деды. Им не нравилось. Они социализма хотели. А мы им сыты по горло. Нам капитализм больше нравится. Вон за границей как живут. Да у них социальных гарантий больше чем у нас. По телевидению стали чаще показывать зарубеж-

ные фильмы. Заграничная жизнь привлекала, своя угнетала. Сказать, что все были согласны на возвращение капитализма, нельзя, но и выбирать-то больше было не из чего. Каждый понимал, что согласие или несогласие здесь ничего не решает. Новый строй в страну за один день не затащишь и старый в форточку не выкинешь. Ни за год, ни за десять не устроишь того, что у некоторых там во Франциях да в Англиях имеется. Каков же выход? Да никакого. Живите, как хотите и делайте, что хотите – был по сути дела ответ. Приличия, конечно, отчасти соблюдались. Речи какие-то говорились. Мол, мы стремимся к тому-то да к сему-то. Будет у нас то-то да сё. Усилия, мол, направляются. Всем было ясно, что все это пустое. Суть была одна – спасайся, кто может и как может.

На кухнях стали судачить о том, что, мол, сейчас все можно. Приказ, мол, даден – никого ни в чем не ограничивать. А чтобы выжить, шевелиться надо. Как шевелиться и чем шевелить, никто не знал. Да и откуда? Уже выросло четвертое поколение людей, живущих при социализме. В условиях, где инициатива наказуема. Где шаг в сторону – расстрел или тюрьма. Предпринимательство и инициатива назывались единым словом – самоуправство. Смысл этого слова был отнюдь не положительным. Торговля в любом виде – спекуляция. И то и другое – вещи не допустимые, а значит наказуемые. Были годы, когда даже скотину держать запрещалось. Вот после этого всего и предлагалось шевелиться.

Молодежи было и трудней и легче одновременно. Труднее, потому что они были совсем не устроены в жизни. Не было никакого тыла. Работу получить еще не успели. А кто успел, того увольняли по сокращению в первую очередь. Новой работы не было. Денежных запасов тоже. Легче, потому что они застали только последние, самые спокойные годы старого режима и были, что называется, не пуганными. Им было несравнимо легче решиться на что-то новое. Именно молодежь первой ринулась в бой за освоение новой жизни. Самым простым была торговля. На Родине нужно было все, так как не было ничего. Спрос самый высокий был обеспечен. А вот, где взять товар? Чем торговать? Ответ был очевиден. Раз открыли границы, значит там и нужно брать. За границей. По всей стране стали организовываться сначала туристические, а затем и коммерческие поездки за рубеж с целью закупки товара. Вот этот товар и продавался в киосках и ларьках.

Глава 3

По старой привычке Елена Леонидовна и Валерий Иванович по дороге с вокзала зашли в гастроном недалеко от дома. К их удивлению магазин был почти пуст. В хлебном отделе имелся черный хлеб одного наименования и все. В молочном был майонез. Остальные полки были завалены морской капустой и кабачковой икрой в банках. Старики с удивлением увидели, что вместо продуктов на полках лежат детские

игрушки. Причем везде одни и те же. По всему было видно, что выложены они здесь не по случаю заботы о детях, а с целью хоть чем-то занять пустые места.

– Лидусь, а что это с нашим гастрономом? Закрывать, что ли, собрались? – робко спросила мать, уже предчувствуя неладное.

– Нет, мамуль, не закрывать. Хотя кто это знает! Может и вообще скоро всё закроют.

– В каком смысле? – подключился к разговору отец.

– Ну, родители! Вы что там у себя в деревне вообще, что ли, от жизни отстали? Один строй закрыли. Другой что-то никак не открывается. Ну, вот это и есть издержки переходного периода. Так в газетах пишут.

– Нет, мы, конечно, знаем, что компартия прекратила свое существование, и что Ленинград назад в Санкт-Петербург переименовали, но чтобы в Москве увидеть такое. Этого мы себе представить не могли. Это же ужас – с совершенно испуганным лицом бормотала Елена Леонидовна.

– Да никакого ужаса. Мы уже привыкли и приспособились. Не все, конечно, но в основном люди научились перебиваться, как придется.

Они вышли на улицу, купив только хлеба, но зато сразу три буханки. Дочь пыталась успокоить родителей, в глазах которых читался просто панический страх.

– Ну, что вы расстроились? Я же вам не зря говорила, чтобы вы взяли с собой продуктов из деревни. Вы же их привез-

ли с собой. Правда? – как к детям, с преувеличенной заботой обращалась она. Тем временем они дошли до своего дома. Остановившись у подъезда, Валерий Иванович, все еще не отошедший от увиденного, снова заговорил:

– Нет, ну в провинции это почти обычное дело. Продуктов завозят мало и все сразу же разбирают. Полки почти всегда пустые. Но в нашем, таком большом и раньше таком хорошем гастрономе застать такую картину я не ожидал. Этого никакой перестройкой извинить нельзя.

– И оправдать – зло добавила супруга, тоже еще не очнувшаяся от переваривания увиденной наглядной информации.

– Mam, да никто ни объяснять, ни оправдываться не собирается. Вы что, еще не поняли. Продукты можно купить в центре или на рынке. В центральных гастрономах очереди просто страшные, а на рынке цены ого-го-го.

– Так как же жить?

– Ну, как-то же все живут. Все выкручиваются, и мы выкрутимся. Вот увидите. Вот, посмотрите на Москву, на новую жизнь и после свадьбы поедете назад в Кукушкино. Там вам продуктов хватит.

– Ой! – схватилась за голову пожилая женщина. – А как же свадьбу делать? На стол что подавать?

– Mam, ну ты что забыла, как в Союзе всегда жили. Не имей сто рублей, а имей сто друзей – дочь весело поглядывала на приунывших родителей. – Все будет. Люди добрые помогут.

– А. Ну, это конечно – согласился отец.

Елена Леонидовна, не разделяя дочерней уверенности в положительном исходе дела, ринулась к своему подъезду. Едва передохнув с дороги и перекусив деревенскими припасами, старики решили все же пойти погулять по городу, а заодно и прошвырнуться по магазинам. Затариться, чем Бог пошлет.

В центре было очень людно. Их удивило, что многие люди не идут, как раньше, по делам, а просто сидят или даже стоят группами без дела. В скверах вообще все лавки были заняты. Все вели споры и разговоры. Видеть такое в вечно занятой и трудолюбивой столице было не привычно. Пройдя еще немного, они увидели группу людей, стоящих вдоль дороги с плакатами. Надписи на плакатах были разными, но по содержанию почти все одинаковы. Они призывали к досрочным выборам и торжеству демократии. Многие надписи критиковали главных руководителей страны.

– Глянь, ведь и в милицию не забирают – удивилась Елена Леонидовна.

– Да, раньше бы и пяти минут с такими дощечками не простояли – поддержал ее муж. – Видно и взаправду теперь свобода слова.

– Что же дальше-то будет? Как же дети жить будут? – запричитала супруга.

Они потратили весь остаток дня на то, чтобы что-нибудь купить. Им почти повезло. Конечно, это было не то, что они

хотели бы, но все же это было достаточное количество продуктов. Они были и этим довольны.

Вечером к ним должны были приехать Виталий со своей сестрой Мариной, которая была его единственным кровным родственником и близким человеком. Дома они застали свою дочь в самом прекрасном настроении. Она готовилась к встрече с женихом и его родней. Квартира была уже убрана и вымыта. На кухне что-то булькало в кастрюльках, а из духовки пахло выпечкой. Любовь и ожидание счастья вселяли в нее бурлящую энергию и нескончаемую работоспособность. Все горело в ее руках. Ей казалось, что она горы может свернуть и, судя по результатам подготовки к вечеру, это было недалеко от истины. Видя такую радостную картину, родители повеселели и стали наперебой, как дети, рассказывать, что они видели нового и что их удивило. Впечатлений было много. Лида с удовлетворением разобрала сумки с покупками, заодно слушая родителей. Она смеялась, показывая на часы со словами:

– Скоро гости. Вы переодеваться будете?

– Ой, господи. Я уже и не помню свою одежду. И не знаю, впору ли она мне теперь. Я говорю о том, что здесь оставалось – заохала Елена Леонидовна.

– Ну, Ленок, я думаю, нам простят. Мы же с тобой уже не москвичи. Мы с тобой теперь жители поселка Кукушкино.

– Да, да. Крестьяне то есть.

Виталий приехал не только с сестрой Мариной, с которой

все уже познакомились во время суда, но и с ее мужем и сыном. Квартира сразу же наполнилась народом и стала тесной. Наконец-то после церемоний и приветствий все уселись за стол. Во время обсуждения будущей свадьбы и дальнейшей жизни молодых, уже достаточно выпив и закусив, решили включить телевизор.

По первому каналу документальный фильм рассказывал о преступлениях серийного маньяка-убийцы. Переключили. На втором канале журналист вел репортаж о перестрелке на окраине Москвы, случившейся после «стрелки» двух враждующих группировок. Камера показывала лежащих на земле убитых людей. Одному из них пуля попала прямо в лицо. Это кровавое месиво тоже попало в кадр.

– Боже мой, да переключите же скорей – Елена Леонидовна отвернулась, закрыв лицо рукой. – Что же это за «стрелка» такая, из-за которой они поссорились? – с недоумением обратилась она к мужчинам. Муж Марины двусмысленно улыбнулся и стал объяснять.

– «Стрелка» – это теперь так называют встречу – он крикнул и добавил. – В том случае, если эта встреча будет неприятной. Примерно такой, как вот здесь показывали. Это на бандитском жаргоне.

– А что существует бандитский жаргон? Раньше я только о тюремном слышал.

– Да, появился и бандитский – отвечал гость.

Наконец-то на третьем канале было что-то, по крайней

мере, не противное. Шла реклама «МММ». Ее и оставили. Несмотря на совершенно позитивное лицо Лени Голубкова, хорошее настроение, а вместе с ним и аппетит прошли. Все как-то притихли. Мужчины вышли на балкон. Лида стала готовить стол к чаю. Марина, сидевшая рядом с Еленой Леонидовной, спросила:

– А у вас по кабельному что показывают?

Женщина растерялась, а потом, собравшись с мыслями, отвечала:

– Марина, да мы уж полтора года в столице не были. Лида одна в квартире живет. А мы в деревне. Про кабельное я и не слышала еще. Раньше же и не было никакого кабельного.

– А попросите дочь. Пусть она вам включит. Может в вашем районе что-то путное показывают. А у нас так только голых девок.

– Голых девок? – глаза старушки округлились, словно пуговицы.

– Ну, да. И девок и мужиков – подтвердила гостя.

– Да неужели? – щеки Елены Леонидовны покрылись румянцем. – По нашему телевизору? – хозяйка с недоумением посмотрела на свой «Рубин». В ее взоре читалось осуждение. – Да как же я попрошу Лидусю, такую срамоту включить? Что Вы? – теперь осуждение было переадресовано госте.

– Да, и то верно – согласилась Марина. – Да ведь может у вас и нет этого кабельного – запоздало пыталась исправить

ситуацию гостя, что завела этот разговор.

– Да конечно нет – схватилась за спасительную идею рас-
тревоженная женщина. – Да и зачем нам такие программы.
Конечно, нет.

В это время в комнату вошла Лида с подносом. На подно-
се лежали пышные пироги, мед и даже конфеты. Услышав
разговор о новом телевидении, она радостно спросила:

– Кабельное хотите? Сейчас включу.

Не успели женщины вымолвить и слова протеста, как на
экране замелькали яркие огни. Шел концерт популярных
певцов и артистов.

– О! Вот как раз то, что нам и надо – девушка стала под-
певать. Все заулыбались.

– А мне Марина тут страсти всякие про это телевидение
рассказывает – съябедничала успокоенная мать.

– Про обнажёнку что ли? – Лида весело смеялась. – Так
ее ж только ночью показывают. А днем очень даже хорошие
фильмы и концерты, как видите.

– Ну, слава Богу. Значит, днем не опасно.

– Не, мам. Не опасно – Лида говорила таким обыденным
голосом и с таким равнодушным видом, что женщинам и са-
мым стало смешно за свои опасения. Они обе засмеялись
друг на друга и принялись за чай.

За чаепитием опять вернулись к разговору о предстоящем
бракосочетании. Беспokoились больше родственники. Моло-
дые были так счастливы, так довольны своими отношения-

ми, что, казалось, им ничего больше и не надо. Учитывая это, а также неопределенность жизненных перспектив, было решено, не тратить много сил и денежных средств на свадебную церемонию.

– Я попрошу у Бога вместо платья и фаты лишнюю пятилетку счастья – говорила Лида, заглядывая любимому в лицо.

– Нет. Без платья нельзя. А без фаты тем более – испугалась Марина. – Сейчас все традиции забыли, а зря. По религиозным канонам, и белая магия тоже это подтверждает, очень важно, в чем одета невеста на свадьбе. Очень важно. В шляпе нельзя, с голой головой тоже нельзя, с цветами в волосах ужас как нельзя. Просто смерть как нельзя. Только в фате. Только фата гарантирует благополучный брак. Она же отличает невесту от других женщин. И шляпу, и цветы, и все, что хочешь, можно носить в любой другой день, а вот фату только на свадьбе. И только невесте. Один раз в жизни.

– Марина, уговорила. Я согласна на фату и на все остальное. На все, что положено для того, чтобы на небесах нас обвенчали на счастье.

– Ну, вот видишь, Виталий, какая покладистая у тебя будет жена – повернулась Марина к брату. – Я рада. Я рада не только по поводу свадьбы – она поперхнулась, не сумев сдержать эмоции. Глаза сначала заблестели, а затем часто-часто заморгали. Виталий обнял сестру.

– Знаю. Знаю. Прости. Я знаю, как ты волновалась, пока

меня не было. И затем на суде. Я все понимаю и люблю тебя, не только как сестру, но, наверное, отчасти и как мать. Все последние годы ты мне была как мать. Спасибо.

– Так. Кажется, вино нашло выход назад. Все друг друга любят. У всех глаза на мокром месте – это муж Марины решил исправить ситуацию и бросился отвлекать растроганных родственников от грустных воспоминаний. – Так! Давайте про все забудем и начнем уже решать, что делать со свадьбой – твердо постановил он.

– Да считайте, все решено – подал голос Валерий Иванович. Все повернули к нему лица. – Сейчас все заняты политикой. Свадеб и других торжеств мало. Цены за аренду мизерные. Так что отметим в кафе. Я договорюсь. Есть у меня в одном местечке знакомый повар. Я думаю, нас там все устроит. Родни мало. Будет почти одна молодежь – он посмотрел на жену и добавил. – Вернее, кроме молодежи вообще никого не будет.

Все поняли шутку и засмеялись.

Глава 4

Последние дни перед отъездом в Москву Света старалась быть веселой. Она хотела доказать родителям, что уже успокоилась и что все будет хорошо. Не хотела оставлять в родном доме лишних поводов беспокойства о ней. Видя старания дочери, Надежда Михайловна решила ее немножко урезонить.

– Не актерствуй, доча. Твои улыбки больше похожи на гримасы. Не надо делать вид, что ты все забыла. Лучше обдумай все, что произошло. Вспомни, как вы раньше жили. Представь, как бы вы возвратились домой, если бы не случилась эта трагедия. Неужели ты думаешь, что Олег переменялся бы. В сорок лет уже не меняются. Одно дело побыть рыцарем пару месяцев и другое дело остаться им навсегда. Особенно если раньше им не был.

Светлана резко повернулась к матери. Глаза ее были наполнены укором.

– Мама, я прошу тебя, не говори так. Я хочу помнить о своем муже только хорошее. И хочу, чтобы моя дочь помнила и знала, что ее отец был замечательным человеком. А он и был замечательным. Мы просто не сразу поняли друг друга. Ты поняла меня?

– Поняла! Поняла, что рану не затянуло. Прости. Ты права. Во всем права. Это неудачный способ утешения – мать села у окна, опустив голову на руки. – Может, еще побудешь с нами? До холодов хотя бы.

– Нет. Жизнь меняется. Это у вас тут тишина и покой. А посмотри, что по телевизору показывают. Представляю, что в Москве делается. Я поеду. Надо как-то устраиваться. Не волнуйся. Я же с Лидой. Они все уже там. Ты можешь звонить Елене Леонидовне. Телефон на календаре вверху записан.

– Да, конечно – мать рассеянно глядела на дочь, думая о

своём. – У Лиды же свадьба скоро. Ты обязательно иди.

– Да. Как же – с излишней готовностью согласилась Света.

Надежда Михайловна внимательно посмотрела на дочь. Тяжелый вздох вырвался из груди. Через пару дней Света уезжала.

Проводов не было. Они, молча, собрались и, молча же, дошли до станции. Только когда из-за криулей показался поезд, каждая мать бросилась к своему ребенку. Надежда Михайловна, одной рукой державшая на руках внучку, другой крепко обняла дочь, а та потянулась к своей маленькой девочке, чтобы прижаться к дочери губами. Так они стояли, крепко обнявшись, представляя из себя одно целое. Любовь к друг другу и тревога за судьбы близких объединяли их больше, чем сплетенные в объятии руки. Поезд остановился. Света вымученно улыбнулась, как она улыбалась все последнее время, и направилась к вагону. Надежда Михайловна с Галинкой на руках, истратив последние силы на прощание, устало опустилась на привокзальную скамью. Поезд тронулся, все больше разделяя уезжающую с родными местами и родными людьми.

Москва встретила ее кучей проблем. Самая главная – работа. Придя в свое кафе, она застала невеселую картину. Все ждали новостей и все их боялись. Появившаяся в стране, частная собственность и, только что родившиеся на нашей территории, рыночные отношения вносили в судьбы людей свои коррективы. Для кого-то это было благом и испол-

нением желаний. Для кого-то – неожиданно свалившейся нежеланной реальностью, которая не сулила ничего хорошего. Одно дело работать на государство. Тут были все равны. Другое дело, когда люди стали делиться на хозяев и наемных работников, фактически слуг. Слугами и батраками быть никто не хотел. Воспитанные на ненависти к эксплуатации человека человеком в старой стране, люди соглашались на одного эксплуататора – государство. В новой стране со старыми гражданами это право предоставлялось любому, кто мог его реализовать. Способности к этому, а также непонятно откуда взявшиеся возможности, появлялись зачастую вовсе не у самых достойных представителей общества, а, наоборот, у самых худших, откровенно анти социальных элементов. Иной раз, хозяином предприятия становился вчера еще рядовой коллега, такой же, как все, или даже хуже, чем другие. Это вызывало сильное возмущение и отторжение у людей новых законов. Многие утешали себя только тем, что не верили в постоянство и закрепление в жизни этих новшеств. Именно это и происходило в кафе, где работала Светлана.

Предприятие передавалось в собственность коллективу. Основной костяк работников, которые смогли найти деньги на оплату своей доли, был невелик. Он составлял всего семь человек из двадцати работающих. Доли предлагались всем, кто работал не менее шести месяцев со дня устройства. Многие отказались. Сами. Не было денег. Да и откуда бы им взяться в условиях инфляции и повсеместной задержке зар-

плат. Их доли тоже были выставлены на продажу. Добавить себе еще одну долю смогла только бухгалтер Людмила Геннадьевна. Остальные излишки выкупил директор.

Таким образом, в уставном капитале доли разделились неравномерно. Шесть человек получили по пять процентов, один – десять процентов, остальные шестьдесят смог оплатить директор кафе. Так и было записано. Коллектив, чувствуя свое численное преимущество, не возражал. Поговаривали, что денег директору дал какой-то знакомый из районного управления общественного питания, и что настоящим хозяином он и будет.

Светлана специально пришла в кафе после обеда, когда народу поменьше. Работники в подсобке обсуждали будущую работу при новом правлении. Одна из поварих, из числа тех, кто поимел пять процентов собственности кафе, недовольно пыхтела, услышав о приятеле директора, который дал денег.

– Это почему он будет главным? По закону нельзя. Нам как объясняли. Можно выкупить по льготной цене коллективом. Он же к коллективу не относится. Он же у нас не работал.

– Так примут опосля. Да и будет работать. Директор и примет – отвечали ей.

– А мы будем против – яростно махая рукой, спорила повариха.

– Да кто тебя спрашивать будет? Деньги его. Сегодня на

директора записано, а завтра перепишут на него. И все.

– А если директор не захочет отдавать долю. А деньги потом, со временем с выручки отдаст – озвучила новую версию повариха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.